

Наталья ПРИТВИЦ

Из дневника полуаборигена

28 июня 1959 года

Шесть-семь щитовых домов на опушке леса, чуть в стороне бревенчатый домик Лаврентьева, а внизу, у самой Зырянки, временные лаборатории — все это и есть Золотая долина. С нее в прошлом году начался Академгородок.

Между домами березы, молодые сосенки, трава полна цветов и солнечных бликов. Научные сотрудники ходят босиком и в майках, точно в доме отдыха.

Но отдыха нет и не предвидится. Только теперь я поняла, какие мы лопухи, что до сих пор сидели в Москве. Здесь уже давно полным ходом идет работа. Забот и хлопот уйма.

Сегодня мне надо:

начать рабочие чертежи лотка;

договориться насчет помещения для лаборатории;

поискать на складах УКСа насос подходящих параметров;

составить список книг, которые необходимо приобрести для библиотеки по нашему отделу

и так далее и тому подобное.

Живу пока в щитовом домике у Пелагеи Яковлевны Кочинной. Квартира обставлена причудливой смесью из чешского гарнитура мебели «Аллон» и ящиков из-под яиц, апельсинов и химреактивов, в которых приехал багаж.

15 августа 1959 года

Первый институт города — Гидродинамика — вступил в строй. Столь восхитившей меня анархии и партизанщине Золотой долины нанесен сокрушительный удар — в институте введен табельный учет. Я теперь уже не вольный научный сотрудник, а № 89, который утром перевешивается справа налево, а вечером — слева направо.

Не могу сказать, что я боюсь дисциплины или собираюсь работать три часа в день вместо положенных восьми, но табельный учет воспринимаю как моральное оскорбление и пережиток гнилого прошлого.

Аборигенам Золотой долины, прожившим год под флагом коммуны, это, наверно, еще тяжелее. Недаром же поется в их песне:

Ночами мы спать не можем —

Науки гранит мы гложем,

А утром мы встать не можем,

И попадает от начальства часто нам.

Под крышей Гидродинамики обитает сейчас еще пять институтов: теоретической механики, теплофизики, катализа, органической химии. Самые беспокойные — химики. В их владениях на втором этаже постоянно господствуют незнакомые резкие запахи. А недавно они вынудили Институт перейти на осадное положение — напустили во все коридоры хлор.

10 октября 1959 года

Сегодня у нас выдающийся день — в городок приезжал Никита Сергеевич Хрущев. Приезд его ожидался в течение недели, и всю неделю бурными темпами

шла подготовка. В конференц-зале была устроена очень интересная выставка по строительству городка, рядом размещалась экспозиция Ботанического сада Академии наук.

Со сказочной быстротой устранялись разного рода недоделки. Молниеносно заработал буфет, который собирались открыть уже целый месяц. Потеплели трубы центрального отопления — это было чудо, так как наш институт почему-то к зиме отсоединили от всех котельных, мы лязгали зубами, наблюдали пар от дыхания и, чтобы не окоченеть, время от времени проделывали упражнения с тяжелыми полированными стульями из кабинета Пелагеи Яковлевны.

Возле строящихся корпусов в любое время можно было видеть легковые машины, у которых обеспокоенно бродили солидные мужчины — это местное начальство от районного до областного проверяло готовность к смотру. Жители ближайших к Гидродинамике домов проявили инициативу и собрали зубной порошок для написания приветственных плакатов.

В общем, все пришло в движение. Наш дом — Академгородок — должен был предстать перед гостями в лучшем виде.

В 11 часов к Гидродинамике подъехала кавалькада машин. Никита Сергеевич поднялся вместе с Михаилом Алексеевичем Лаврентьевым на крыльцо, приветственно помахал шляпой и вошел в здание Института. Там ему представили ведущих ученых, которые рассказали о перспективах науки в Сибири, доложили о проекте и ходе строительства городка. Затем М. А. Лаврентьев повез Никиту Сергеевича в Золотую долину, где они осмотрели лаборатории.

В Долине состоялась, по рассказам очевидцев, очень сердечная встреча с золотодолинцами. Никита Сергеевич разговаривал с Котькой Решетняком — самым щекастым малышом детского сада. В беседе с Никитой Сергеевичем Котька заявил, что хочет машину, цветы не взял, сказал, что бананы лучше. Леночка Антонова не участвовала в общем разговоре: Никита Сергеевич спросил, как ее зовут, а она забыла.

Шутки шутками, а Академгородку оказано большое доверие и честь. А кому много дано, с того много и спросится. Так это и надо понимать, товарищи научные сотрудники!

12 октября 1959 года

Ветер дул целый день, все крепчая и крепчая. В 11 часов вечера я вышла, чтоб запереть беспрерывно хлопавшую входную дверь. При вспышке зарницы мне представилось довольно жуткое зрелище. Низко-низко гнулись деревья, лепил мокрый снег, ветер свистел и выл на все лады. В половине двенадцатого внезапно погас свет. На улице все усиливался скрип и треск — это ломались и падали деревья. Иногда звенели выбитые стекла. Весь дом сотрясало от порывов ветра.

Наутро перед нами предстала полная картина ночного урагана. Между моим и соседним домом сломало пять сосен диаметром 25—35 сантиметров, стволы валялись на земле, а один разворотил крышу. Ограждавший Долину забор лежал плашмя, по всей территории были разбросаны листы фанеры, со столбов свисали порванные провода. Дом Лаврентьева тоже окружали упавшие деревья, одно свалилось прямо на крыльцо.

Это прошел ураган из Казахстана, который наделал по пути массу бед. У нас обошлось без жертв, — правда, упали два подъемных крана, но без людей. Сутки стройка стояла без энергии, так как была нарушена высоковольтная передача. По метеосводке скорость ветра превышала 40 метров в секунду — на сколько, зафиксировать не удалось, так как все приборы градуированы только до этой цифры.

Весь лес теперь полон бурелома, то и дело попадают поломанные и вывороченные с корнем деревья. Берег Обского моря перерыт волнами, закидан торфом и топьяками.

Словом, Сибирь решила показать, что она вовсе еще не такая покоренная. Мол, знай наших!

25 октября 1959 года

Допоздна засиделась у Бори Новикова и Володи Будашкина, слушали радио, гоняли чай. Столом нам служила табуретка, на которой с трудом уместились стаканы, буханка хлеба и банка баклажанной икры. Остальные свободные поверхности — полки, подоконники и даже середина комнаты завалены разного рода металлической мелочью от гвоздей и болтов до трансформаторов и электроизмерительных приборов. Это их домашняя лаборатория и мастерская.

Володя и Борис — земляки, томичи, и работают, и живут вместе, сообща владея мотороллером и котенком по имени Бернулли. Котенок пошел в хозяйев — играет гайками и весь с головы до хвоста перемазан машинным маслом.

5 января 1960 года

Мороз. Какой мороз стоит!
Все заморожено насквозь,
И слышно, даже, как скрипит
Промерзшая земная ось...

(«Долиниада», Золдолиздат, 1959 год. Автор не указан).

Мороз, действительно, изрядный. Правда, хрупкая мечта Юры Фадеенко — минус 50 — так и не сбылась — не хватило трех градусов. Лично меня удовлетворяет и то, что есть. Недавно обзавелась градусником и получила возможность экспериментально изучить термику своей комнаты. Обнаружен градиент температуры по вертикали (около нуля на полу и плюс 15 на уровне головы), а также в продольном направлении (от плюс 25 возле печки до минус 5 на окне).

Печка у нас одна на две комнаты, топим ее по очереди: Володя Кудинов (проректор молодого Новосибирского университета) и я. Делается это так. Сначала надо бежать к общественной куче угля, что посреди Долины, и отбивать его ломом, если мороз, или откапывать из-под снега, если метель. Потом растопить дровами, забросить порцию угля — и тогда уж такой пойдет треск и жар, что любо-дорого. Как сказал безвестный оптимист:

Пусть руки в саже и угле,
В золе, занозах и смоле —
Восторгом наполняет сердце
От жара розовая дверца!

Заготовке дров обычно посвящается часть воскресенья. Расколоть сучковатую чурку с одного удара, — это особый шик. Вообще рубка дров — одна из любимых молодецких забав Долины, так что из-за топора бывает чуть ли не драка.

13 февраля 1960 года

По утрам, когда мы протоптанными в снегу тропинками спешим в Институт, нам попадаются навстречу другие долинцы — те, что работают внизу, у самой Зырянки, в бараках, громко именуемых лабораториями. Там под обледенелым брезентовым шатром крутится знаменитое Богдановское колесо — кольцевой лоток, а в бараках проектируются, изготавливаются и испытываются детали для другого чуда — гидропушки, способной струей воды пробить бетонную плиту и крошить горные породы.

Долинцев можно сразу узнать по их унтам, дубленным полшубкам и таким же продубленным на морозе лицам — они ведь целыми днями работают почти что под открытым небом.

У самого Богдана горло вечно завязано шарфом, он постоянно простужен и часто совсем без голоса. Для него нет ни выходных дней, ни отпуска. Он одержим бесчисленными идеями, которые не дают ему покоя. И кажется иногда сошедшим со страниц книги об ученом-фанатике. А отдел его, между прочим, один из самых продуктивных в Институте.

6 апреля 1960 года

В институт продолжают поступать новые сотрудники. Все хорошие ребята, но в семье не без уroda. Вчера ставила на комсомольский учет одного типа. Страшный хлюпик, три дня как приехал, а уже собрался обратно. Ноет, не переставая, о своей горькой судьбе, о том, что здесь дыра, грязь и изотопы в воздухе, что ужасный климат и чудовищные условия, бездорожье и бескультурие. И откуда такие берутся?

2 июня 1960 года

Комитет комсомола принял решение — провести первую внутринститутскую спартакиаду. Идея эта овладела массами и стала, таким образом, движущей силой. Первым видом, в котором встретились команды «Гидроудар» и «Прочность», было перетягивание каната, состоявшееся в обеденный перерыв перед фасадом Гидродинамики. Силачей «Гидроудара» возглавляли такие внушительные фигуры, как Леша Николин, Боб Луговцов и Олег Кисаров. Изыщные сухощавые прочнисты сопротивлялись недолго. О победе тут же возвестил плакат:

Как было предсказано и обещано,
«Прочность» выдала первую трещину.
Вперед на прочнистов могучим тараном!
Да здравствует «Гидроудара» титаны!

Однако через несколько дней «титаны Гидроудара» с треском проиграли легкоатлетическую эстафету. Спортивный азарт охватил весь Институт. Академик Юрий Николаевич Работнов толкал ядро, секретарь парткома Георгий Сергеевич Мигиренко метал гранату, хотя всего неделю назад вышел из больницы после операции.

Особых рекордов в спартакиаде достигнуто не было. Осталось даже неясно, кто победил. Но в общем все участники расшевелились и отдали посильную дань физическим упражнениям, столь необходимым для работников сидячего умственного труда.

15 сентября 1960 года

Начались осенние штормы. Вчера вечером, когда уже смеркалось, в долину, задыхаясь, влетел начальник АХО Семен Чуйко: «Катер... сорвало с якоря и выбросило на берег... Если не снимем, до утра разобьет...» Все, кого эта весть застала в Долине: Равиль Гарипов, Юра Тришин, Женя Романов, Леня Лукьянчиков, Володя Титов — захихнули в газик и помчались на море. Уже в полной темноте по горло в воде часа два надсадно вопили: «И-и-ицо раз! И-и-ицо раз!» — пытаясь сдвинуть с мели непослушное металлическое тело, а ветер и волны толкали его обратно. Юра Балакирев чертыхался возле молчащего двигателя. Уже совсем было выбились из сил, когда — ура! — катер подался. Набежавшая волна подняла его, и он, бодро переваливаясь по гребням и тарактя, отошел от берега.

На обратном пути спустило колесо. Пока его меняли, ледяной ветер прохватил до самых костей. Пришлось с чисто лечебной целью раздобыть в Долине бутылку водки. Не лечился только Женя Романов — не пустила жена.

Участники ночного купанья получили благодарность в приказе — «за спасение катера Института Гидродинамики в штормовую погоду в ночное время». Семену Чуйко полагался выговор за то, что катер сорвало, и благодарность за его спасение. В сумме он не получил ничего.

28 октября 1960 года

Накануне ноябрьских праздников состоялось массовое вселение в новые дома.

Прощай, Золотая долина! Из аборигенов там остались только сам Михаил Алексеевич с Верой Евгеньевной, да еще «три мушкетера» — Тришина, Титов и Фадеевко. Мушкетеры занимают две комнаты — в маленькой тесно стоят три кровати, в большой стол для пинг-понга.

Я теперь владею комнатой в 13,56 кв. метра на четвертом этаже крупнопанельного дома. Перед окнами лес. Просторно, удобно, света и воздуха хоть отбавляй. Маловато только тепла — дома еще не прогрелись.

Водопровод что ни день выдает новые сюрпризы — то из крана, как из гидрорупушки, со страшной силой стреляет ярко-рыжая жижа, то ночью унитаза начинает издавать жалобные вопли и стенания. Горячая вода, если она есть, неизменно имеет цвет и запах дегтя. Оптимисты утверждают, что она обладает целебными свойствами.

Все это, как говорится, трудности роста.

Для утешения сочинена песенка:

Если отопленье в доме отключили,
Нет воды горячей и холодной нет —
Вспомните, как раньше эскимосы жили,
Как они вообще не мылись много-много лет...

3 января 1961 года

В дополнение к новогоднему номеру стенгазеты выпустили на трех листах картона фотохронику за год. Оказалось, почти все было у нас первое: первые выборы, первая демонстрация, первый магазин «Книги»...

Под заголовком «Даешь строителей коммунизма!» помещалась подборка фотографий молодых уроженцев Академгородка.

Наибольшим успехом пользовались: Толя Бузуков-младший, заснятый крупным планом в кульминационный момент рева, и братья Минины — Олег и Игорь, стоящие рядышком в своей патентованной кровати. (Владлен Минин приспособил к ней моторчик, и теперь дети физика укачиваются с помощью электроэнергии).

6 марта 1961 года

На расчет паводков, которыми мы сейчас занимаемся, появился большой спрос — в частности, в Ленинградском отделении Гидроэнергопроекта, который

проектирует Зейскую ГЭС. Им надо уметь точно рассчитывать режим при наводнении — при наличии ГЭС и без нее. А это не так просто. Сейчас нас держит отсутствие топографических и гидрологических данных. Связались уже с вычислительным центром Института математики — будем работать вместе. О. Ф. докладывал на институтском семинаре — тема получила поддержку. Теперь дело за нами, и в том числе за мной.

Недавно мы обсудили и осудили себя за оторванную от культуры жизнь и совершили сразу целый цикл поездок в город: в Оперный на балет «Дон-Кихот», в оперетту на «Веселую вдову» и в драму на «Иркутскую историю» Арбузова.

Интересно, что народных и заслуженных артистов в Москве как-то не замечаешь на общем фоне, а здесь они сразу бросаются в глаза и сверкают, как бриллианты.

А в Академгородке — событие.

В прошлое воскресенье в конференц-зале Геологии торжественно открылся клуб Сибирского отделения. Показали фильм «Леон Гаррос ищет друга». Теперь можем смотреть все «дома».

6 мая 1961 года

Традиционный первомайский поход удался на славу. Днем нас пекло солнце (сейчас почти у всех лупятся носы), ночью над головой сияли звезды, а под ними были заморозки на почве. Познакомились с разведением соболей и норок в Белоярском зерносовхозе. 1-го устроили собственную первомайскую демонстрацию и спортивные выступления.

Конечно, опять была масса клещей. Укушенные ходят на укулы — на случай, если клещ был энцефалитный. Народная мудрость: «клещей бояться — в лес не ходить».

15 мая 1961 года

Наша редакция пришла к выводу, что создавать длинные стенгазеты нерентабельно и целиком перешла на «специальные выпуски» и «молнии».

«Молнии» сейчас приходится метать особенно часто — уж очень бесчинствуют вокруг городка и в нем с березами, добывая сок ведрами. Этак мы скоро останемся без леса. На днях Серега Милейко и Никола Торшенов застукали одного добытчика и сфотографировали его на месте преступления вместе со всем инвентарем — дрелью и трубочками. И хотя виновник оказался членом нашей редакции, карающая «молния» все же была вывешена (Платон друг, но истина дороже!)

Не на пользу бедным березам и то, что к ним привязывают бельевые веревки. Написанное на фанерном щите предостережение не действовало. Пришлось от слов перейти к делу. Дождавшись темноты, мы вдвоем с одной сторонницей крайних мер вышли на операцию. Дрожь от страха перед возможным скандалом, мы обрезали все веревки. Простыни аккуратной стопочкой сложили под дерево и к верхней припилили записку: «В следующий раз белье получите в отделении милиции. Зеленый патруль». Это, разумеется, было самозванство и чистая ложь, но, по моим понятиям, ложь святая.

Стирающая общественность откликнулась на акт угрозы недовольным ропотом: «Куда же вешать? Это хулиганство, надо заявить и им, голубчикам, всыплют...»

Однако лед тронулся. Через три дня во дворе вкопали бетонные столбы и натянули веревки, на которых отныне хлопает и развеивается по ветру белье всего двора.

12 сентября 1961 года

Стоит великолепная золотая осень. Красота неопишная. Любые слова — «золотая осень», «Золотая долина», «золотые березы» не выражают и половины того, что хочешь в них вложить. При каждом удобном случае бегу в лес — за грибами или просто так.

Хорошо в воскресенье выйти часов в семь. Лес весь в тумане, едва проглядывают ближние сосны, на травах густая роса. Потом туман редет, и первый пробившийся сквозь него солнечный луч отражается в тысяче капель, которые лежат в углублениях листьев, висят на кончиках игл, нанизаны бисером на паутине. И грибы тоже холодные, чуть запотевшие, крепенькие...

Возвращаешься часов в 10, навстречу толпами бегут горожане с ведрами и корзинами. Глядя жадными завистливыми глазами мне в руки, прибавляют ходу: «Уже из лесу... целая корзина... надо было раньше...»

Девчата раньше опасались ходить в лес одни. Теперь я повсеместно пропагандирую недавно выдуманную мною теорию о том, что плохие люди далеко в

лес не забираются — им там нечего делать. Пока все мои лесные встречи эту теорию подтверждают.

5 октября 1961 года

А табельный учет все-таки отменен! Табельщица Капа, наводившая ужас на весь институт, переквалифицировалась и приобрела мирную профессию — проявляет пленки в фотолaborатории. И никто не стал, между прочим, приходить на работу на два часа позже или уходить на два часа раньше... Более того, многие еще занимаются вечерами.

30 октября 1961 года

На днях Дерibas показывал свой фильм, посвященный подводному взрыву. Высокоскоростная киносъемка сделала почти мгновенный процесс как бы растянутым во времени. При этом стали видимыми интереснейшие вещи. Такой фильм захватывает больше, чем иной художественный.

А самое замечательное то, что эксперименты Дерibasа удивительно красиво подтвердили выводы, полученные Стасом Похожаевым теоретически. Получить результат — само по себе ценно. Но когда это сделано чисто и изящно — в этом уже есть некая научная эстетика.

6 декабря 1961 года

Четвертое и пятое были свободными днями — и мы отправились в лыжный поход на Тальменку. Михаил Алексеевич, когда узнал, хотел было запретить это рискованное предприятие, требовал, чтобы профком держал с нами связь. Поскольку группа состояла преимущественно из математиков и физиков, дежурным спасателем был назначен секретарь партбюро математики Ширков. Ему мы должны были доложить о своем возвращении. Причина таких предосторожностей — ожидавшийся в эти дни мороз до — 40°. Но вместо мороза ударила оттепель. Ночевка в лесу прошла в идеальных условиях: на лапнике в палатках, в меховых мешках, с огромным костром — и все это при 0°! В довершение ночью моросил дождь и валился с деревьев тающий снег.

Неисчислимы сюрпризы сибирской природы!

Накануне похода в Гидродинамике наконец состоялся «французский вечер». Ездившие летом по туристской путевке в Париж делились впечатлениями. Титов и Антонов говорили о науке и политике, рассказывали о посещении крупной аэродинамической лаборатории Франции — ONERA. Между прочим, сибирские гидродинамики во главе с М. А. Лаврентьевым были первыми советскими специалистами, приглашенными в этот исследовательский центр.

Общий вывод — техника эксперимента у них филигранная, опыты ставятся с поистине французским изяществом. Здесь есть чему поучиться.

В заключение вечера Д. В. Широков показал снятый им в Париже цветной фильм.

25 декабря 1961 года

Готовим к новогоднему номеру традиционный материал по итогам года. Год-то, оказывается, был выдающийся: 12 защит! Незаметно, потихоньку недавние аборигены Золотой долины стали кандидатами наук. И уже вполне привычно звучит: лаборатория Титова, лаборатория Антонова, лаборатория Минина, лаборатория Кузнецова, лаборатория Бузукова.

Апрель 1962 года

Чертова программа по паводкам никак не идет. Закладываешь в нее данные для канала правильной формы — считает. А стоит заложить данные по естественному руслу — начинает пороть чепуху. Ну может ли, например, получиться глубина в реке 14 километров?! Это больше, чем в Тускароре — глубочайшей тихоокеанской впадине. «Мистика» — как говорит Тамара Темноева, наш полпред на ВЦ. О. Ф. рвет и мечет. Мы все уже в конце извелись.

А тут еще наша многотиражка. «За науку в Сибири» (неофициальное название «Я вам не скажу за всю науку») в каждом номере выдает жирным шрифтом на первой полосе: «До открытия Новосибирского научного центра осталось... дней... дней... дней...» Все равно, как счет при запуске ракеты: «пять, четыре, три, два, один... Старт!»

Для нас открытие — это одновременно и старт и финиш. Выражаясь языком космической эпохи, переход от первой ступени ко второй. Как бы только не взорваться до выхода на орбиту!

10 июня 1962 года

В Институте все «вкальвают». Ученого секретаря одолевают заботы о предстоящей выставке научных достижений: что и как показывать. Хозяйственники мучаются над вопросом — в какой цвет покрасить облупившийся уже парадный вход в Гидродинамику.

Городок готовится к открытию.

Строители вышли, как видно, на финишную прямую и теперь жмут изо всех сил. Вот-вот будет сдан Институт математики. Дома поднимаются со сказочной быстротой, в лесу коттеджи растут прямо как грибы после дождя. Микрорайон «В» радуется глаз яркими красками. Некоторым это не нравится — но ведь было бы ужасно, если б у всех был совершенно одинаковый вкус. По дороге в Долину появилось два новых магазина (никак не могу привыкнуть к виду витрин с манекенами в окружении березового леса). Благоустроены автобусные остановки, на Академической в одну ночь возникли телефонные будки и из них действительно можно звонить.

Улицы и дома утопают в цветах. Жаль, что открытие назначено на ноябрь, когда все это великолепие скроется под снегом.

20 июля 1962 года

Докопались, наконец, почему не шла программа. Потому, что мы по наивности поверили некоторым результатам американских работ. А они считали — «абы получилось», на ощупь, обходя стороной принципиальные вопросы. Вот он — «ползучий эмпиризм!»

Здорово помог нам Сергей Константинович Годунов. Еще весной мы прослушали в НГУ цикл его лекций, потом проштудировали в отделе рукопись его книги (она еще не вышла из печати). А теперь он сам прилетел из Москвы и дал нам несколько наглядных уроков — как выходить невредимыми из коварных джунглей метода конечных разностей.

28 июля 1962 года

Все с большим трудом получаем машинное время для счета. А мы-то воображали, что летом все разъедутся по отпускам и на машине станет свободно.. Не тут-то было! Прошли те времена, когда она простаивала, и операторы звонили в Институт: «Может, вам надо посчитать что-нибудь?»

Эля и Валя работают, как звери. Даже придирчивый О. Ф. не может предъявить им претензий. Противоположные по темпераменту, они отлично дополняют друг друга; Эля не дает Вале ни минуты покоя, а Валя не дает Эле сторяча зарываться.

Программа наша идет, но идет со скрипом. Единственное утешение: «Где, когда, какой великий выбирал путь, чтобы протоптанной и легче?..»

Вчера девочки пришли ко мне с машины в два часа ночи. Результат вроде выдался приличный. Сегодня нам опять не дали машинного времени.

3 августа 1962 года

Приходили ребята из летней физико-математической школы, мы им показывали в лотке гидравлический прыжок. До чего они дотошные, просто ужас!

— А бывает прыжок в обратную сторону?

— А что, если часть дна сделать подвижной и ускорить в этом месте поток?

Я еле успевала соображать, как им лучше ответить.

Если вот такие придут в Университет, а оттуда в исследовательские институты, за науку можно будет не беспокоиться — она попадет в надежные руки.